

Посвящается Хелен Моралес

MARY BEARD

**WOMEN &
POWER**

A Manifesto

P

PROFILE BOOKS

МЭРИ БИРД

ЖЕНЩИНЫ И ВЛАСТЬ

Манифест

Перевод с английского

АНО
АЛЬПИНА НОН-ФИКШН

Москва
2018

УДК 316.423.6:316.346.2-055.2

ББК 60.561.3:60.542

Б64

Переводчик Николай Мезин
Редактор Наталья Нарциссова
Научный консультант Дарья Петушкова

Бирд М.

Б64 Женщины и власть: Манифест / Мэри Бирд ; Пер. с англ. — М. : Альпина нон-фикшн, 2018. — 120 с.

ISBN 978-5-91671-853-9

Насколько глубоко в западную культуру встроены механизмы, лишаящие женщин права голоса в публичной сфере, отказывающие им в серьезном отношении и отсекающие их от возможности находиться во власти? Окидывая взглядом долгую историю западной традиции исключения женщин из общественной и политической жизни — от Античности и до наших дней, — известный историк, профессор Кембриджского университета Мэри Бирд задается рядом вопросов: какова культурная подоплека сексизма в политике, какие формы он принимает? Как западные общества привыкли смотреть на женщин, обладающих властью или стремящихся к ней? Поиск ответов на эти вопросы призван помочь преодолеть, наконец, многовековое неравенство, от которого продолжают страдать женщины во всем мире. По мнению автора, если женщины отлучены от существующих властных институтов, вероятно, нам следует пересмотреть само наше понимание власти.

УДК 316.423.6:316.346.2-055.2

ББК 60.561.3:60.542

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу tylib@alпина.ru

ISBN 978-5-91671-853-9 (рус.)

ISBN 9781788160605 (англ.)

© Mary Beard Publications Ltd, 2017

© Издание, оформление. ООО «Альпина нон-фикшн», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
Общественный голос женщин	11
Женщины во власти	55
Послесловие	99
Ссылки и источники по теме	105
Благодарности	111
Список иллюстраций	113

ПРЕДИСЛОВИЕ

Надо признать, женщин Запада есть с чем поздравить. Когда родилась моя мать, британки еще не имели права голосовать на парламентских выборах. И она успела пожить при женщине — премьер-министре. Как бы ни относилась мама к Маргарет Тэтчер, ее радовало, что на Даунинг-стрит пришла женщина, и она была горда тем, что сама оказалась причастна к некоторым из этих революционных перемен, произошедших в XX столетии. В отличие от женщин прежних поколений, мама имела возможность совмещать карьеру с браком и рождением детей (для ее матери, учительницы, беременность неизбежно означала уход с работы) и была весьма успешным директором начальной школы в Западном Мидленде. Не сомневаюсь, что для множества

мальчиков и девочек — ее учеников — она олицетворяла *власть*.

Тем не менее мама понимала, что все не так просто, что настоящее равенство женщин и мужчин — дело будущего и что есть еще много такого, что вызывает ярость, а не ликование. Она всегда сожалела, что не училась в университете (и искренне радовалась, что у меня такая возможность появилась). Нередко она досадовала, когда ее взгляды и голос не воспринимались с той серьезностью, на какую она рассчитывала. И хотя ее озадачила бы метафора «стеклянного потолка», моя мать прекрасно сознавала, что чем выше она поднимается по общественной лестнице, тем меньше видит женских лиц.

Я часто думала о маме, когда готовилась к тем двум лекциям, на которых основана эта книга и которые я прочитала при любезном содействии «Лондонского книжного обозрения» в 2014 и 2017 гг. Мне хотелось понять, как я могла бы объяснить ей — а также себе и миллионам других женщин, которые все еще вынуждены терпеть обиды и переживать разочарование,

вызываемое неравенством, — насколько глубоко встроены в западную культуру механизмы, заставляющие женщин молчать, отказывающие им в серьезном отношении, отсекающие их (иногда, как мы увидим, в буквальном смысле) от власти. Чтобы понять это, нам стоит обратиться к Античности — к миру древних греков и римлян. Ведь затыкать женщинам рот в западной культуре принято уже не одно тысячелетие.

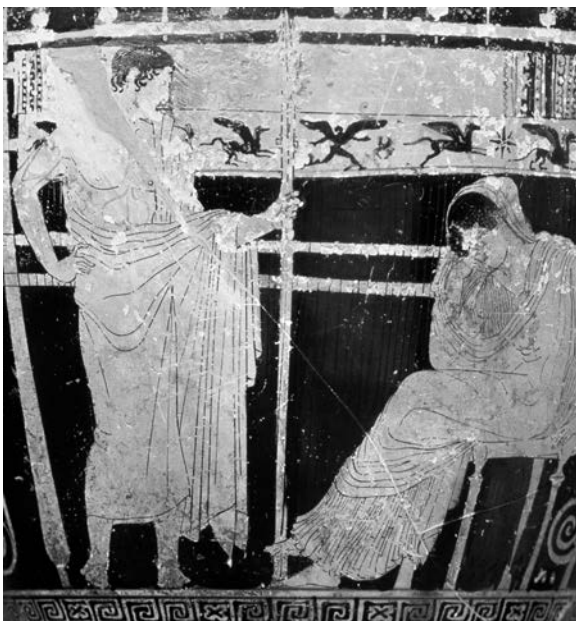
ОБЩЕСТВЕННЫЙ ГОЛОС ЖЕНЩИН

Я хочу начать с момента, почти совпадающего с рождением западной литературной традиции, с первого описанного в ней случая, когда мужчина приказал женщине «закрыть рот», сообщив, что ее голос не должен звучать во всеуслышание. Я имею в виду ситуацию, увековеченную почти 3000 лет назад в первых строках гомеровской «Одиссеи». Обычно мы воспринимаем эту поэму как эпическую историю Одиссея, повесть о приключениях и переделках, в которые попадал герой, возвращаясь домой с Троянской войны, пока жена Пенелопа верно ждала его дома, отвергая ухаживания претендентов и их настойчивые требования выбрать нового мужа. Но «Одиссея» — в равной мере история Телемаха, сына главного

героя и Пенелопы. Это история его взросления; за описанное в поэме время он из мальчика превращается в мужчину. И этот процесс начинается в первой песне, когда Пенелопа спускается из своей комнаты в большой зал дворца, а там перед толпой претендентов на ее руку выступает певец, и поет он о тех бедах и трудностях, которые претерпевают греческие герои на пути домой. Пенелопу его песня не веселит, и она при всех просит его запеть другую, не столь мрачную. И в этот момент вмешивается юный Телемах. «Мать моя, — говорит он, — лучше вернись-ка к себе и займись своими делами — пряжей, тканьем... Говорить же — не женское дело, а дело мужа, всех больше — мое; у себя я один повелитель»*. И Пенелопа уходит, скрывается в своих покоях.

Есть нечто странное в том, что желторотый юнец затыкает рот мудрой взрослой Пенелопе. Но эта сцена ясно показывает: там, где началась письменная хроника западной культуры, женским голосам в общественном пространстве звучать

* Пер. В. Вересаева.

1. Краснофигурная ваза I в. до н.э. с изображением Пенелопы и Телемаха на Итаке в отсутствие Одиссея; находится в Национальном музее в Кьюси. Фото: Dea Picture Library / De Agostini / Getty Images.

не давали. Более того, как показывает нам Гомер, неотъемлемая часть взросления мужчины состояла в том, чтобы научиться завладеть правом на публичную речь, не давая его женщинам. Примечательно, в каких словах это формулирует Телемах. Заявляя, что говорить — дело мужское, он использует слово *μῦθος* — но не в дошедшем до нас значении «миф». В гомеровском языке это слово значило авторитетное публичное высказывание: не болтовню, сплетни или пустословие, которым могли предаваться все, и в том числе — или в первую очередь — женщины.

Что интересует меня, так это связь между классическим примером «затыкания» женщины в гомеровском эпосе и некоторыми из тех механизмов, что не дают женским голосам звучать перед общественной аудиторией в нашей современной культуре и политике, от парламента до производства. Это всем хорошо известная «глухота», которую изящно пародирует старая карикатура из «Панча»: «Отличное предложение, мисс Триггс. Полагаю, кто-нибудь из присутствующих мужчин пожелает его озвучить». Я хочу поразмышлять

2. «Отличное предложение, мисс Триггс» — карикатура Райаны Данкан, изображающая сексистскую атмосферу производственного совещания. Punch, 8 September 1988. Фото: ©Punch Limited.

о том, какое отношение эта глухота имеет к той травле, которой и поныне подвергаются женщины, осмеливающиеся говорить во всеуслышание, и один из вопросов, занимающих меня, — как связаны публичные выступления в защиту женских портретов на банкнотах, угрозы изнасилования и обезглавливания в «Твиттере» и Телемаках, который осаживает Пенелопу?

Моя цель здесь — окинуть взглядом долгую, очень долгую историю весьма трудных взаимоотношений женского голоса и сферы публичных выступлений, дебатов и критики — политики в самом широком смысле слова, от офисных совещаний до парламента. Надеюсь, историческая перспектива поможет нам шагнуть дальше простого ярлыка «женоненавистничество», к которому мы привыкли прибегать, не особо задумываясь. Безусловно, происходящее можно определить и так (трудно подобрать более подходящее слово, когда после телевизионной дискуссии ты получаешь море твитов, где твои гениталии сравнивают с гнилыми овощами). Но если мы хотим понять — и как-то изменить — ситуацию,

когда женщинам, даже если их не затыкают, приходится платить слишком высокую цену за возможность быть услышанными, следует признать, что картина несколько сложнее, и обратиться к ее обширной предыстории.

Окрик Телемаха — это первая в берущей свое начало в античные времена череде попыток, в основном успешных, не только исключить женщину из сферы публичной речи, но и бахвалиться этим. Например, в начале IV в. до н.э. Аристофан посвятил целую комедию «уморительной» фантазии о том, как женщины стали править государством. Для пушщего комизма они не могли должным образом выступать в собрании — вернее, не могли приспособить свою обиходную речь (а говорили они, по воле автора, в основном о сексе) к высокому слогу мужской политики. Что касается Рима, то в «Метаморфозах» Овидия — выдающемся мифологическом эпосе о превращениях людей (и, пожалуй, самом значимом в западном искусстве литературном произведении после Библии) — вновь и вновь возникает тема лишения женщины человеческого голоса путем превращения ее в другое

3. Полотно XVII в. кисти Давида Тенирса изображает момент, когда Юпитер передает несчастную Ио, уже в обличье коровы, своей жене Юноне — чтобы развеять подозрения и показать, что его интерес не носил сексуального характера (каковой он, конечно же, носил).

существо. Бедняжка Ио по воле бога Юпитера становится коровой и может только мычать; болтливую нимфу Эхо наказывают тем, что ее голос больше не принадлежит ей и лишь повторяет слова других. На знаменитом полотне Уотерхауса нимфа во все глаза смотрит на обожаемого Нарцисса, но не может произнести ни слова, а он тем временем — первая в истории жертва нарциссизма — влюбляется в собственное отражение в воде.

Один серьезный римский автор, живший в I в., обнаружил всего три примера «женщин, чье природное состояние не сумело заставить их молчать в народном собрании». Его описания о многом говорят. Первая, женщина по имени Амезия, успешно защитила себя в суде, и, «поскольку за ее женским обликом скрывался воистину мужской характер, ее звали *андрогином*». Вторая, Афрания, защищала себя перед претором оттого, что была «исполнена бесстыдства», и утомляла всех своим «лаем» или «тявканьем» (и здесь автор отказывает женщине в способности к человеческой речи). Далее он сообщает нам, что Афрания умерла

4. В пронзительно романтической интерпретации (1903 г.) Джона Уотерхауса полуодетая Эхо безмолвно впивается взглядом в своего Нарцисса, увлеченного собственным отражением в воде.

в 48 г. до н.э., поясняя, что про таких людей «важнее упомянуть скорее о времени, когда это чудовище издохло, чем когда на свет уродилось».

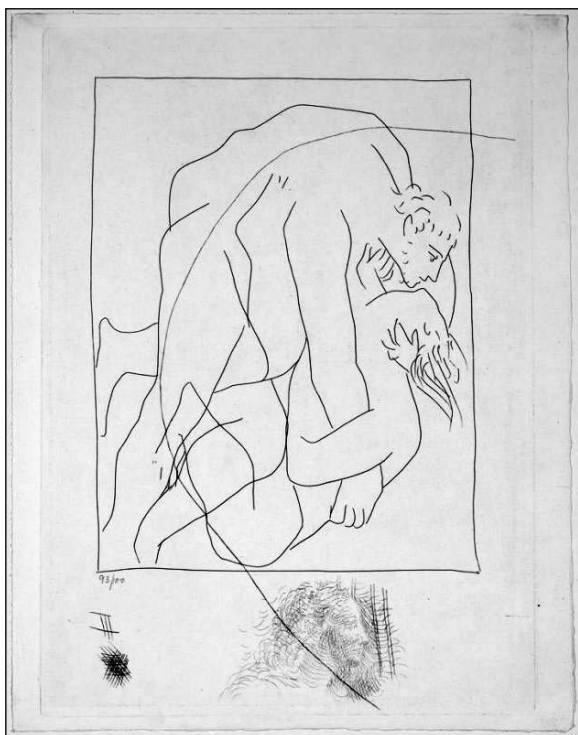
Античность знала лишь два исключения, когда женщина, выступавшая публично, не вызывала отвращения. Во-первых, позволялось говорить жертвам или мученицам, как правило, перед смертью. Первые христианки, брошенные на растерзание львам, в описании хронистов громко возглашали свою верность учению; в широко известном эпизоде ранней истории Рима у добродетельной Лукреции, изнасилованной жестоким царским сыном, есть только один монолог: она обвиняет насильника и возвещает о собственном самоубийстве (так представляли дело римские авторы, а уж как было в реальности, мы не имеем ни малейшего понятия). Но даже такой, довольно нерадостной, возможности говорить женщину могли лишить. В «Метаморфозах» есть история об изнасиловании юной царевны Филомелы. Насильник, чтобы избежать обвинения в стиле Лукреции, просто взял да и отрезал ей язык. Этот

мотив использовал Шекспир в «Тите Андронике», где изнасилованную Лавинию тоже лишают языка.

Второе исключение нам более знакомо. Иногда закон позволял женщинам говорить в собрании — для защиты дома, детей, мужа или интересов других женщин. Так, в третьем из трех примеров женских ораторских выступлений, упомянутых у того римского автора, женщина по имени Гортензия произнесла речь от лица всех римских женщин (и только женщин), после того как их обложили особым имущественным налогом для финансирования сомнительной военной кампании. Иначе говоря, в чрезвычайных обстоятельствах женщинам разрешалось публично защищать свои групповые интересы, но только не говорить от лица мужчин или всего общества в целом. Как выразился один «гуру», живший во II в., «подавать голос при посторонних [женщине] должно быть так же стыдно, как раздеваться при них».

Но ситуация не исчерпывается тем, что сразу бросается в глаза. Эта «немота» не просто отражает общее бесправие

женщин в античном мире, то есть отсутствие избирательных прав, ограниченную юридическую и экономическую самостоятельность и пр. Это лишь часть объяснения. Очевидно, что женщины в древнем мире не имели права голоса в политике. Но мы имеем дело с гораздо более жестким и целенаправленным исключением их из сферы публичных высказываний, и это куда сильнее, чем мы думаем, повлияло на наши традиции и убеждения относительно голоса женщин. В Античности публичное выступление и ораторство были не просто занятиями, не свойственными женщине: эти умения считались исключительно мужскими и определявшими саму суть маскулинности. Как мы видим в сцене с Телемахом, быть мужчиной (во всяком случае, знатным мужчиной) означало утвердить за собой право говорить. Публичное выступление было одним из — если не главным — атрибутов мужественности. Согласно знаменитому римскому лозунгу, знатный гражданин определялся как *vir bonus dicendi peritus*, то есть «достойный муж, искусный в речах». Женщина, выступавшая

6. Терей, насилующий Филомелу, в изображении Пикассо (1930 г.).

публично, в большинстве случаев женщиной не считалась.

В античной литературе постоянно подчеркивается превосходство низкого мужского голоса над женским. В одном научном трактате той эпохи прямо говорится, что низкий голос указывает на мужскую храбрость, а высокий — на женскую трусость. Другие классические авторы утверждали, что тон и тембр женского голоса неизменно угрожают не только заглушить оратора-мужчину, но и пошатнуть общественную и политическую устойчивость и подорвать здоровье всего государства. Один оратор и интеллектуал II в., носивший красноречивое прозвище Дион Хризостом (то есть Дион Златоуст), предлагал вообразить ситуацию, когда «все общество постигло вот какое странное бедствие: внезапно голоса у всех мужчин стали женскими, и ни один из них — ни взрослый, ни ребенок — не может сказать ни слова по-мужски. Не кажется ли вам, что это ужаснее и невыносимее любой чумы? Не сомневаюсь, тогда люди послали бы в святилище просить совета богов и задабривать их божественную

7. Гортензия упоминается у Боккаччо в трактате «О знаменитых женщинах». В этом сочинении конца XV в. она описывается в свете того времени как смелая предводительница, поднимающая соратниц против Римского государства.

власть многочисленными дарами». Говоря это, он не шутил.

Все это не причудливые особенности какой-то далекой культуры. Далекой по временной шкале — да. Но я хочу подчеркнуть, что эту традицию гендеризации речи — и теоретизирования на эту тему — мы до сих пор прямо, или чаще косвенно, наследуем. Не будем переоценивать ее значимость. Западная культура не всем обязана грекам и римлянам — ни в области ораторского искусства, ни в какой угодно другой (и хвала небесам, что так; никто из нас не возмечтал бы жить в греко-римской цивилизации). Мы испытали множество разных и противоречивых влияний, и наша политическая система успешно ниспровергла немало гендерных установок Античности. Но при этом остается фактом, что наши традиции публичных выступлений и дискуссий, принятые там правила и нормы до сих пор во многом находятся в тени античного наследия. Современные правила риторики и убеждения, сформулированные в эпоху Возрождения, напрямую заимствованы из античных речей и руководств по ораторскому

искусству. Наш язык риторического анализа восходит к Аристотелю и Цицерону (до наступления эры Дональда Трампа было общим местом подмечать, что Барак Обама — или его спичрайтеры — все свои фирменные приемы заимствовал у Цицерона). И те джентльмены XIX столетия, что придумывали или закрепляли бóльшую часть парламентских процедур и регламентов в палате общин, выросли ровно на тех классических воззрениях, лозунгах и предубеждениях, которые я сейчас описываю. То есть мы не просто жертвы или простаки, одураченные древними стереотипами; нет, Античность оставила нам удобную матрицу для рассуждения о публичном высказывании, с которой легко судить, какая речь хороша, а какая нет, какая убедительна, а какая беспомощна и чья речь заслуживает того, чтобы быть услышанной. И половая принадлежность очевидно играет здесь важную роль.

ДОСТАТОЧНО БЕГЛОГО ВЗГЛЯДА на западную традицию публичных выступлений в Новое время (во всяком случае, до XX в.), чтобы увидеть: многие

из поднятых мною античных тем всплывают вновь и вновь. К женщинам, возымевшим смелость высказываться во всеуслышание, относились как к сумасбродным андрогинам вроде Амезии, защищавшейся от обвинений на Форуме, — да и они сами, очевидно, воспринимали себя так же. Яркий пример — пылкое обращение Елизаветы I к войску при Тилбери в 1588 г., когда Англии угрожала Испанская армада. В словах, которые многие из нас учили в школе, она вроде бы определенно заявляет о своей андрогинности:

Я знаю, у меня тело слабой и беспомощной женщины, но сердце и желудок — короля Англии.

Странноватый лозунг для заучивания школьницами! Но дело в том, что Елизавета, скорее всего, ничего подобного не говорила. У нас нет этих слов, написанных рукой королевы или ее секретаря, нет свидетельств очевидцев, а каноническая версия взята из письма, написанного почти 40 лет спустя одним не вполне